Ключ от послезавтра

Автор:
Рута Шейл

Ключ от послезавтра

Рута Шейл

Ключ от послезавтра

«Сам погибай, а товарища выручай», – так думала Янка, отправляясь вожатой в детский лагерь вместо заболевшей подруги. Старая усадьба, лес, игры – что может быть интересней? А если встретить в темных коридорах призрака, случайно прочесть чью-то просьбу о помощи в потрепанной книжке и отправиться в заброшенную часовню, чтобы разгадать зловещую тайну, то каникулы точно запомнятся надолго! Янка никогда не откажется от приключений!

«Ключ от послезавтра» – это таинственные письма из прошлого, детективное расследование – никаких взрослых! – новые друзья, с которыми точно не соскучишься, и первая любовь…

Рута Шейл

Ключ от послезавтра

Пролог

– Колёсик, выручай, – совсем не по-соловьиному прохрипела в трубку Соловьева. – Нет там ничего сложного, тем более ты у нас староста.

– Ну и что?

– Ну и то! Ты ответственная, справишься. Главное, с пионерами построже, иначе на шею сядут. Заодно отдохнешь, сменишь обстановку. Концерты, дискотеки. Песни у костра… Так понравится, что уезжать не захочешь.

– Какого костра? – усмехнулась Янка. – Как у братьев-месяцев? Кристин, ты на улицу давно выходила?

Придержав мобильный плечом, она вытащила из стопки сложенных на полке вещей самый объемный свитер. Кажется, в этом она будет выглядеть как логотип компании «Мишлен» – человечек из автомобильных покрышек…

А соловьевский голос в трубке не сдавался:

– О’кей, забудь про костер. Но все остальное в силе. Если ты откажешься, то вместо меня поедет Антипова из социологов. Она на моего Пашку еще со «студенческой весны» запала. Ян, от тебя зависит будущее двух влюбленных сердец!

И всхлипнула то ли от простуды, то ли от избытка чувств.

Могла бы не стараться – Янкина уверенность и так уже висела на волоске.

– У меня опыта работы нет. Это ведь дети, – сказала она совсем неубедительно. Соловьева мгновенно уловила слабину и сменила тон с жалобного на деловитый:

– Дети не люди, что ли? Вожатой тебя пока не возьмут, поедешь как будто на стажировку. Зато после смены получишь бумагу, что прошла практику – не придется потом в детском саду стенгазеты рисовать.

– Ох, не знаю, – мялась Янка, а Кристина выдавала аргумент за аргументом:

– Ты, главное, соглашайся, остальное я улажу. Представляешь, что будет, если Пашка пересечется там с Антиповой? – Янка не представляла. Ее воображение целиком и полностью занимал выбор свитера. – Мои родители с Кавериными

дружат. Да я наизнанку вывернусь, но сделаю так, что возьмут не ее, а тебя!

Из всех действующих лиц, о которых трагично шептала сейчас Кристина Соловьева, Янка уверенно опознавала только ее саму. Парень по имени Пашка возник в жизни подруги – во всяком случае, хронология упоминаний началась именно тогда, – после летней смены в Анапе. Учился он, кажется, в архитектурно-строительном. Жил, кажется, с родителями. И, кажется, любил Кристину. Все эти непонятности происходили не потому, что Янка невнимательно слушала рассказы Кристины, а потому что информация постоянно менялась. Единственным, в чем Кристина себе не противоречила, были выдающиеся внешние данные избранника и его такая же выдающаяся страсть к ночным клубам.

Субъект по фамилии Антипова на Янкиной внутренней географической карте и вовсе отсутствовал.

– Кстати, там не корпуса, как обычно, а целый дворец, – продолжала сипло интриговать Соловьева. – После ремонта, но совершенно точно, что старинный!

– С бронзовой птицей на фронтоне? – хмыкнула Янка[1 - В повести Л. Рыбакова «Бронзовая птица» действие происходит в пионерском лагере, расположенном в бывшей графской усадьбе. – Здесь и далее примечания автора.].

Подруга, конечно, не поняла.

– Какой еще птицей? Хотя не знаю, может, и есть. В общем, если решишься – попадешь на церемонию открытия. Образцово-показательная смена, дети сотрудников, все дела. Каверин – директор лагеря – набрал команду вожатых из своего «Искателя». Я два года подряд туда ездила, а до этого лет пять пионеркой. Яночка, соглашайся! Смена легкая, дети послушные… а природа там – у-у-у! Не то что в этой твоей обожаемой Москве.

Природа, догадалась Янка, это подмосковные сосенки, сугробы по колено и какой-нибудь водоем, который сейчас мог использоваться разве что для подледной рыбалки. А Янка ею не увлекалась.

«Обожаемую Москву», тем временем, щедро заметало снегом. Гадким мокрым снегом, который быстро превращался в жидкую грязь на дорогах и тротуарах и в

рыхлые сугробики – там, куда нога человека ступала реже. В бесконечных пробках дымили выхлопными трубами машины, а в торговом центре, по которому бродила сейчас Янка, в таких же пробках толпились любители сезонных распродаж.

«А за городом сейчас, должно быть, красота! Тишина, лес, одиночество. Снежок под ногами хрустит», – шепнул внутренний голос, подозрительно смахивающий на Кристинин.

– Скажу честно, я сугубо городской житель и видел этот ваш чудесный лес со всем его содержимым на ближайшей фабрике по изготовлению табуреток[2 - Андрей Белянин, «Ааргх».], – процитировала Янка, как ей показалось, довольно метко, но подруга юмора не оценила.

– Колесникова, если ты откажешься, то я… Раздружусь с тобой навсегда, вот.

– Мертвого уболтаешь, – отозвалась она сварливо и снова извлекла с полки одеяние мишленовского человечка. – Но должок с тебя, Кристиночка, такой, что даже не знаю, чем расплачиваться будешь.

– Бессмертная душа подойдет? – хихикнула повеселевшая Соколова.

Янка не ответила. Сунув телефон в карман куртки, она поплелась в хвост очереди к кассе.

Пора бы уже научиться говорить нет. Или хотя бы нетленное «я подумаю об этом завтра».

Глава 1

Графская усадьба

В замшевых сапогах пальцы ног быстро окоченели, щеки и кончики ушей пощипывало от холода. Отступившие было морозы вспомнили о том, что зимой им положено быть, именно в тот день, когда Янка собралась в лес. Нужно было с

чистой совестью – мол, проспала-забыла-опоздала, – остаться дома и нырнуть обратно под дремотное одеяло. Но вместо этого она досматривала самые сладкие утренние сны в пустом вагоне метро, к тому же приехала на час раньше, а значит, топтаться вам, Янина Станиславовна, в осенних сапогах и куцей кожаной куртке – жидкий мех на капюшоне мама презрительно называла «рыбьим» – до первого автобуса.

Янка сунула руки поглубже в карманы, сжала пальцы в кулаки, но теплее не стало. К обочине по очереди причаливали автомобили. Те, кто приехал на метро, включая ее саму, с завистью косились на счастливчиков, которые могли с комфортом ждать в теплых салонах своих машин. Родители понемногу собирались в группы, дети не выдерживали неподвижности и стайками носились вокруг взрослых. Все здесь уже были знакомы, и только Янка держалась особняком, не зная, к какой из компаний примкнуть.

– Привет, снегурочка!

Это было лестно, но неправильно. Со сказочной красавицей Янку роднили разве что светлые волосы, из которых при желании можно было соорудить сносную косу. А в остальном – низкий рост, детский размер одежды. Острые скулы и вздернутый нос. Колесо велосипедное, одна штука. Еще и фамилия, как назло, говорящая.

Крутить головой было слишком холодно, поэтому к черной «Церато» с включенными фарами Янка повернулась всем телом.

– Это вы мне? – выдохнула она вместе с густым облаком пара. Нижняя часть лица словно отсутствовала. Да и с верхней не все было ладно.

– Тебе. Подойди сюда. Да не бойся ты. В лагерь?

– Угу.

– Хоть раз зимой за городом была? – Она замялась. Водитель – едва ли намного старше нее, это Янка поняла скорее по голосу, чем смогла разглядеть, мягко усмехнулся: – Заметно. Садись в машину. Не бойся, не съем, – повторил он как маленькой, – я тоже вожатым еду. Денис Каверин.

Каверин! И директор лагеря тоже Каверин. Еще во время телефонного разговора с подругой Янка не могла не заметить созвучия с фамилией любимого писателя. Потому и запомнила.

– Бороться и искать?

С этими словами она забралась на заднее сиденье и втащила за собой сумку. Зубы помимо воли выбивали чечетку. Настолько качественно она еще никогда не замерзала.

– Найти и не сдаваться[3 - Слова из романа Вениамина Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».], – весело откликнулся тот. – Кофе будешь?

Спасительный стаканчик оказался в руках раньше, чем Янка успела ответить. Она никогда бы не подумала, что можно так радоваться обыденным вещам – подвижности лица, наличию пальцев, горькому растворимому кофе. Даже играющий в салоне попсовый мотивчик показался чуть ли не гимном позитивного мышления.

– Яна, – каркнула она и откашлялась. Дальше получилось лучше: – Спасибо вам.

– Тебе.

– Тебе. Я не вожатая, меня на стажировку взяли. Никогда еще не была в лагере. Даже в детстве.

– Тогда с почином. А почему вдруг сейчас решила?

– Подруга заболела и попросила ее подменить. Может, знаешь? Кристина Соловьева.

– Да ладно! Звезды не будет? – неизвестно чему обрадовался Денис. – Конечно, знаю, в «Искателе» два лета вместе оттарабанили. Отец не говорил, что она болеет. Жаль. – И не очень чисто подтянул: – Звездочка моя ясна-ая… Как ты от меня далеко!

Янка не сдержала смешок. Прозвище Кристине подходило. Не в бровь, а в глаз.

– Ты кофе выпила? Возвращай стакан.

Пришлось срочно сделать один большой глоток. Янка протянула крышку от термоса Денису и рукавом протерла себе окошко в запотевшем стекле. Снаружи стояли автобусы. Двери еще закрыты, но все наготове. Несколько ребят Янкиного возраста особняком скучковались возле первого. Только она собралась расспросить Дениса о местных правилах, как на переднее сиденье ввалился еще один персонаж: ярко-красная куртка, смуглая шея без шарфа и коротко стриженый затылок – вот и все, что она успела разглядеть.

– Кофе! Плесни мне тоже. Вообще не выспался… – пожаловался парень в красной куртке и заразительно зевнул. Спинка его сиденья с двумя щелчками опустилась почти до самых Янкиных колен. Отодвинуться в сторону мешала торчащая из багажника штуковина, завернутая в брезент. Пришлось терпеть и помалкивать. – Заскочим ко мне за вещами?

– Заскочим, но опять опоздаем. Настенька отчитает.

Между тем обстановка вокруг автобусов менялась. Дети уже расселись по местам, сопровождающие тоже. Родители махали руками и жестами давали последние указания. К группке вожатых подошла женщина с планшетом и принялась что-то им объяснять. Наверняка важное. «Самое время эвакуироваться», – решила Янка и нащупала сумку.

– Денис. Я, наверное, пойду.

– Черт, Дэн, кто там у тебя? – подпрыгнул его приятель. – Предупреждать надо!

– Это Яна, она новенькая. Яна – Дамир. Кстати, слышал новость? Звезды не будет!

– Значит, она сегодня не звезда, – туманно ответил тот и принялся тыкать в кнопки магнитолы.

Янка бочком выбралась из-под нависшей спинки сиденья, пискнула «пока» и припустила к месту сбора. Еле успела – несколько вожатых уже отправились греться в автобус.

– Колесникова. Наш стажер, – неожиданно метко угадала женщина с планшетом. Сняла перчатку и принялась водить пальцем по экрану. – Ну, Кристинка, подвела так подвела… Что, серьезно разболелась? – И, не дав ответить на первый вопрос, срезала вторым: – Ты с Кавериным едешь или с нами?

– С вами, – заверила Янка.

– Тогда скажи остальным, чтобы по лагерю не разбредались, а стояли и ждали меня. Будет планерка.

«Планерка, планерка, планерка», – твердила Янка, на разъезжающихся ногах топая к автобусу. И все равно, стоило ей оказаться внутри, ценные указания мгновенно вылетели из головы.

– …Усадьба долгое время простояла заброшенной. В семидесятые ее косметически подлатали и переделали под дом отдыха. В девяностые снова закрыли – с тех пор тут только бомжи и сталкеры ошивались. И черные кладоискатели. Один из них выложил в интернете фотку, на которой за его спиной отчетливо видно полупрозрачного мужика. Серьезно – сначала кажется, что просто пятно, но если приглядеться, то похоже на бородатого дядьку в крестьянской рубахе. Круто, да?

Слова принадлежали девушке… Или парню? Сразу понять не удалось – чистое лицо без макияжа, куртка, джинсы и тяжелые ботинки ничем не выдавали пол своего владельца. Еще и капюшон от толстовки на голове.

– Круче не придумаешь! – сходу согласилась Янка.

Автобус пшикнул дверями и плавно тронулся в путь. Янка устроилась на свободном месте рядом с очень сердитой рыжеволосой вожатой.

– Нет никаких привидений, – буркнула соседка и уставилась в телефон. Остальные занимались примерно тем же. – Такая взрослая Кира, а верит в

сказки.

«Такая». Значит, все-таки девушка.

– Привидений, может, и нет, но местечко так себе, – вмешался молодой человек в забавной шапке с помпоном. – Нехорошее. Я погуглил до поездки. Что, никто не в курсе?

– Началось в колхозе утро, – затосковала рыжая. – Знаешь, что пионеры про Заварзина сочинили? «Лучше чистить унитазы, чем беседовать с Заварзой». Главное, не вступай в дебаты. Только зря время потратишь. Кстати, Катя.

– Яна. – Она пожала протянутую ладонь, а сама с интересом прислушалась к разговору.

– Усадьбу Светлый Яр построил граф Альфред Дорф из немецкого дворянского рода. Его предки в восемнадцатом веке поступили на службу Российской империи, один из них был послом в Москве, тогда его и возвели в графское достоинство. Красавицу-супругу этот Дорф нашел здесь же, в России, и звали ее почти как кровавую графиню Батори – Елизавета. Елизавета Паулинская, но местные прозвали ее Паучихой. Своих крепостных она секла за каждую мелочь, а женщин и детей – с особенной ненавистью. Порола лично и с удовольствием, даже придумала собственную систему наказаний: подробно расписала, за какой косяк сколько ударов кнутом должен получить виновный.

– Кстати, обычное для того времени дело, взять хотя бы Салтычиху[4 - Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха – русская помещица, вошедшая в историю как убийца нескольких десятков крепостных крестьян.], – встряла Кира.

– В общем, да. Дорф много времени проводил в разъездах, в усадьбе постоянно что-то изобретал и мало вникал в дела, которые взяла на себя его супруга. А она наводила на людей такой ужас, что стоило ей появиться в какой-нибудь из деревень, женщины и дети в панике прятались в поле и в оврагах. Поначалу крепостные пытались жаловаться барину, но Паучиха ухитрялась сделать так, что Дорф оставался в неведении, а жалобщиков наказывала особо изощренно. Иногда Елизавета устраивала в усадьбе приемы со спиритическими сеансами, и это тоже не добавляло ей народной любви. Поговаривали, что в спальне у нее стояло огромное зеркало, через которое Паучиха вызывала души умерших и

сама могла ходить в загробный мир. Граф-изобретатель продолжал жить с собственном мире, не замечая ничего вокруг, пока однажды один из крепостных мужиков не подстерег его у ворот и не бросился в ноги с мольбой прекратить издевательства. От того, что рассказал крестьянин, у графа волосы встали дыбом. Тем же вечером он устроил Елизавете допрос, после которого садистка успокоилась и вообще пропала из виду. На все вопросы граф отвечал, что супруга слегла. Что случилось с ней на самом деле, неизвестно. Кто-то из слуг признался, что видел хозяина спускающимся в домашнюю часовню с неким предметом в руках. Предмет был завернут в покрывало, явно тяжел и по очертаниям похож на человеческое тело. Пробыв там некоторое время, Дорф вышел уже налегке. Как думаете, почему?

– Он убил ее и похоронил под домом, – сглотнула Янка.

– И вот теперь мертвая ведьма бродит в поисках своей спальни, чтобы через зеркало покинуть проклятую усадьбу и отойти в мир иной. Ищет, но не может найти – ведь ни спальни, ни зеркала давно уже нет… – с жутким присвистом нагнетал Заварзин. Автобус выехал на трассу, за окном мелькали сумрачные деревенские дома и придорожные забегаловки. Янка вдруг почувствовала спиной легкий потусторонний холодок.

– Может, ваша вожатская и окажется в той самой комнате, а, Катюх? – неожиданно добавил Заварзин совсем другим, дурашливым тоном.

– Может, тебе просто перестать молоть чушь? – душевно улыбнулась Янкина соседка и демонстративно заткнула уши наушниками.

Янка ждала продолжения, но рассказчик и сам надвинул на глаза шапку с явным намерением вздремнуть. Ну, Кристинка! Настоящий дворе-ец! Приро-ода! Впрочем, вряд ли подруга знала байку про Паучиху. Интересно, кто из этих ребят – тот самый ее загадочный Паша? Исподтишка просканировав взглядом присутствующих, Янка поняла, что никаких зацепок у нее нет, распечатала шоколадный батончик и уставилась в окно. Ощущение, что она стала героиней истории о Бронзовой птице, становилось все навязчивей.

* * *

– Странный дом! – провозгласила Катя. – Люблю странные дома. Мне здесь уже нравится.

– Кентервильский замок, – сказала начитанная Янка. – Или нет. Нортенгерское аббатство.

С сумками на плечах они стояли напротив ворот. Мимо тянулись стайки гомонящей ребятни, подгоняемые нервными взрослыми. Солнечный свет бил в сияющие чистотой окна усадьбы, но в них все равно мерещился недобрый прищур. Интересно, здесь действительно столько печей? Янка насчитала на крыше штук десять дымоходных труб разного размера. Сбоку к дому примыкала круглая башенка-донжон – похоже, архитектор был неравнодушен к средневековым замкам. Сам дом – угловатый, темно-красного кирпича – оказался гораздо меньше, чем представлялось Янке. Скромная усадебка в два этажа с витыми балконами, острыми треугольниками фронтонов, заснеженным палисадником и небольшим парком вокруг.

Но из головы не выходила история о творившихся здесь когда-то ужасах, и это придавало безобидному с виду месту жутковатый флер.

За спиной просигналили. Янка обернулась и едва успела отпрыгнуть. Перед глазами промелькнули четыре сцепленных кольца на хромированной решетке радиатора. Внедорожник медленно прокатил мимо, притормозил возле поста охраны и двинулся дальше.

– Ладно, пошли. Надеюсь, внутри не хуже, – скомандовала Катя и первой направилась к распахнутым дверям.

Но как следует поглазеть по сторонам не удалось – Янка даже растерялась от такого количества народу в одной комнате. Лагерь гудел, как разбуженный улей. Воспитатели торопливо строили детей парами и разводили по комнатам, чтобы освободить место следующим. «Маленькая и легкая смена», по словам Кристины Соловьевой. Что-то пока незаметно!

– Анастасия Юрьевна, нам-то куда?

Руководительница с планшетом как раз пробегала мимо, и Катя со своим вопросом подсуетилась вовремя.

– За мной, – скомандовала та. Вожатые послушно двинулись следом к неприметной двери под лестницей.

Из-за высоких потолков мебель казалась лилипутской, а комнаты – пустыми. В этой ютилось несколько ученических стульев и старая парта. Возле окна стоял пустой бильярдный стол.

– Ребята, надолго не задержу… – начала было Анастасия Юрьевна и сделала паузу в ожидании тишины. Пока все передвигали стулья и рассаживались, рядом с ней появился растерянный мужчина в мятом костюме. Оглядел собравшихся и как будто остался недоволен увиденным.

– Если кто не знает – Петр Геннадьевич Каверин, директор нашего лагеря, – представила она же. Не знала одна Янка. – Давайте сначала распределимся по отрядам…

Катя вскинула руку:

– Чур, я с младшими, как обычно.

– Без проблем, записываю: «Якушева – первый». Кать, может, нашу новенькую к себе возьмешь? Справитесь? Вы вроде бы и познакомиться уже успели.

– Как скажете.

– Отлично, значит, «Якушева и Колесникова – первый».

А Янка-то и не сообразила, что новенькая – это она и есть. Остальным в напарники достались ребята. Обозначился и предмет обожания Соловьевой. Янка несколько разочарованно отметила оттопыренные уши и субтильный внешний вид рокового Паши. При разговоре он едва заметно картавил. Впрочем, ладно, раз Соловьеву все это устраивает, то Янку – тем более. Не ей же с ним по кинотеатрам рассекать.

К тому времени как речь зашла о распорядке дня, в комнате нарисовались еще двое. Судя по ярко-красной куртке одного из них – знакомые.

– Смена другая, опоздавшие те же, – нестрого пожурила Анастасия Юрьевна. Когда оба проходили мимо, она легким движением пригладила торчащие волосы Каверина-младшего.

– Простите, заблудились. – Денис тут же взъерошил макушку обратно. Вдвоем с приятелем они устроились на подоконнике чуть поодаль от остальных. Янка старалась не пропустить ничего из сказанного, но все равно нет-нет да и поглядывала в ту сторону.

Значит, тот, что ниже ростом, – Дамир. Февраль на дворе, а у него – ровный морской загар, и волосы выгорели светлыми прядями. Хотя чему тут удивляться – сейчас многие норовили слинять от столичных морозов в жаркие страны.

На фоне товарища Денис выглядел «бледнолицым братом». Старшим. Сероглазый, улыбчивый, симпатичный. В тяжелых армейских ботинках, джинсах и сером свитере. С рюкзаком и гитарой наперевес. Сразу видно – человек приехал работать. Не то что его мажористый друг.

– Может, просто «Дружба» или «Друзья»?

– Чего? – очнулась Янка. Оказывается, планерка подошла к концу и все почти разошлись. Катя ждала у выхода. Пришлось догонять.

– Название отряда, говорю. Есть идеи?

– Хм-м…

Они поднялись на второй этаж. Катя уверенно свернула направо – в длинный коридор со множеством дверей.

– Нам точно сюда?

– Настенька же сказала – двадцать пятая комната. Держи свой ключ. Ого! Ничего себе, жить можно! – с порога одобрила Катя. Янка заглянула через ее плечо. И правда можно. Новенькие кровати с яркими покрывалами, две тумбочки, возле окна – большой письменный стол. Даже зеркало – правда, не в полный рост, как у Паучихи, которой стращал Заварзин, а маленькое.

Шкаф поделили пополам.

– С вещами разберемся после отбоя, – вещала Катя. Янка согласно кивала, поджидая, пока та наспех переоденется. – Сейчас пойдем в отряд, познакомимся, пообедаем – и репетировать.

– Репетировать?

– Ян, ты на планерке вроде рядом сидела. Вечером – вожатский концерт. Значит, во время тихого часа – репетиция.

– Может, назовем отряд «Непоседы»? – технично перевела тему Янка. Похоже, «вожатский концерт» совпал с «человек приехал работать, сразу видно».

– У нас в «Искателе» мелкие были «Носки».

– Супер. И девиз: «Нас не сломать!»

Продолжая перешучиваться, они вышли в коридор. Чтобы попасть в отряд, нужно было вернуться к центральной лестнице и просто идти на звук. Крик, визг и грохот. Не ошибешься.

– Кать, слушай. А Денис с Дамиром в каком отряде?

– Дэн обычно выбирает старших. Почти ровесники, ему с ними проще общий язык найти. А Дамик вообще не вожатый. Он ди-джей. О, вот и наши!

«Свои» встретили вожатых радостными воплями, но Катю было не так-то просто сбить с толку. Янка глазом не успела моргнуть, как дети уже бегали вокруг стульев, хлопали в ладоши и выкрикивали названия фруктов. При чем тут фрукты, она так и не поняла, однако хаос явно приобрел некую упорядоченность.

Спустя полчаса Янка мешком рухнула на стул и застонала. В голове шумело, как в пустой морской ракушке.

– Ян, ну ты чего расселась-то? Строй их парами на обед, а я вещи соберу. Блин, опять половина неподписана…

После сумасшедших игр дети переодевались. Стало быть, в двух спальнях – мальчиков и девочек – по взрыву межконтинентальных баллистических ракет.

– Идите уже, уберу я все, – махнула рукой воспитательница Анна Ивановна. Она напоминала Янке ее первую учительницу и, кажется, приходилась бабушкой кому-то из пионеров. Такая роскошь была только в их отряде.

– Спасибо, – просияла Катя. – Посмотрим, чем тут кормят.

– Судя по запаху, тушеной капустой, рыбой и жареным луком. Или смесью всего этого.

На лестнице образовалась небольшая пробка. Внизу Янка заметила Дениса. Вокруг него собралось несколько девчонок из отряда. Взрывы хохота были слышны даже здесь.

– Похоже, разбитых сердец не избежать… – Она сама не заметила, как произнесла это вслух. Катя оглянулась:

– А? Ты мне?

Поток голодающих очень кстати двинулся вниз, к Анастасии Юрьевне, которая разруливала его подобно регулировщику на перекрестке. Когда Янка и Катя оказались поблизости, она сообщила скороговоркой:

– Ребята, во время тихого часа встречаемся во втором корпусе, будем репетировать вожатский номер. Сценарий уже готов, присутствовать обязательно. У вас все в порядке? Ну и отлично.

Насчет капусты Янка угадала. В тарелке бульона сиротливо плавали несколько картофельных ломтиков, оранжевые кружки моркови и она самая, разваренная до прозрачности.

– Щи. – Катя с кислым лицом повозила ложкой в тарелке. – Что может быть вкуснее?

– Молочная лапша? – задумалась Янка. – Запеканка из макарон? М-м… Гороховый суп!

На слове «суп» в столовой появился ди-джей Дамир. Руки-в-брюки, волосы блестят от геля, нос в гармошку – видимо, запах щей его тоже не радовал. Когда он проходил мимо, Янка учуяла горьковатый аромат парфюма. Что-то вроде перца с имбирем. Как на свидание собрался. Она с ухмылкой посмотрела на Катю, но та иронии не разделила. И вообще, провожая его взглядом, выглядела как-то напряженно. Дамир приземлился за стол рядом с Денисом и светловолосой девушкой, которая показалась Янке очень красивой.

– Кто это с ними?

– Инга Лунева, вторая вожатая. Слушай, а что это ты без конца Кавериным интересуешься? Или наоборот… Поливановым? – прищурилась Катя.

– Просто пытаюсь понять, кто есть кто. Не забывай, я здесь никого не знаю. Пойду проверю, как дела у детей. А ты ешь. Щи вкуснецкие.

Янка хмурила брови, с ужасно строгим видом прохаживалась вдоль столов, держала под наблюдением все десять тарелок одновременно и время от времени покрикивала:

– Аня, еще пять ложек! Василий, оставь в покое Мишу и доедай. Так, Мира. Ой, ты не Мира… Дарья – молодец! Арсений… Противно? Ладно, не ешь. Тогда вот тебе штрафная котлета.

В общем, вошла во вкус. Сначала казалось, никто и не подумает слушаться, однако малышня прониклась. Янка – тоже. К тому моменту, когда пора было возвращаться в группу, она даже почти не путала имена.

– Мы на репетицию! – шепотом сообщила Катя воспитательнице. Все десять сорванцов более-менее покладисто лежали в кроватях. У девчонок тихо. Их всего четверо – не спят, шепчутся, но хотя бы не скачут с матраса на матрас.

Анна Ивановна с вязаньем дежурит в спальне мальчиков. Сейчас притихли, спящими притворяются, но стоит только отвернуться – выдают себя приглушенным хихиканьем.

– Девчонки, принесли бы книжку из библиотеки. Сказки какие-нибудь. Я бы им почитала, глядишь, побыстрее уснут.

– Ага, принесем!

– Уснут они побыстрее, как же. – Катя закуталась в пуховик и сунула ноги в зимние сапоги. Надела было шапку, но передумала и убрала обратно в шкаф. – Разве что ужастики. Чтобы чихнуть боялись.

– Ты знаешь, где второй корпус?

– Приблизительно. Ладно, мы же не одни туда идем. Сейчас остальные подтянутся.

И точно – в комнату заглянула старшая вожатая Кира. Та самая, которую Янка приняла за парня. Она больше не прятала волосы под капюшоном, однако это ничего не меняло – ультракороткая стрижка ей шла, но придавала сходство с симпатичным мальчиком.

– Ну, что, артистки, готовы? Тогда за мной!

Компанию им составили еще две девчонки, которых Янка уже видела в автобусе. Одна держала под руку лопоухого Пашу. Интересно, что они все в нем находят? Катя обрадовалась знакомым – убежала вперед и громко делилась впечатлениями. А Янка мысленно решила, что ничего не расскажет Кристине про Пашу и эту девочку. Свою задачу она выполнила, Антипову нейтрализовала. Дальше пусть сами разбираются.

И еще она думала о том, что страшно, чертовски, невероятно устала. А впереди еще половина дня.

Глава 2

«Жуткая дорожка»

– Супер! Тебя кто-нибудь видел?

Дамир Поливанов помотал головой и втащил в комнатушку за сценой нечто, тщательно завернутое в плед. Точно такие же – клетчатые и яркие – служили покрывалами во всех вожатских спальнях.

– Чуть не спалился! В тихий час забрал эту фигню из машины, плащ-палатку оставил в багажнике, как договорились, и иду к корпусу. Видок сам понимаешь какой. И тут мне навстречу человек десять. С микрофонами и камерами. Походу твой батя телевизионщиков позвал.

– Ага, он говорил, что будут снимать открытие смены.

– Ну так вот. Я ее за пост охраны задвинул и вроде как мимо прохожу. Потом вообще про нее забыл. На, владей.

– Красава! – Денис радостно потер руки и принялся разматывать ткань.

– Красава – это у нас ты, Дэн! Кирюш, разукрась его по полной, не стесняйся. А то пока на Ягу не очень похож.

– А так? – Кира нахлобучила на Каверина спутанный синтетический парик и с сомнением осмотрела дело рук своих. Вместо ответа ди-джей показал поднятый вверх большой палец и скрылся за дверью. Сам Денис в цветастой юбке и белых босоножках суетился вокруг свертка. Когда появился Дамир, Кира как раз закончила румянить каверинские щеки и перешла к макияжу глаз. Парень дергался, пытался размазать тушь и капризным голосом требовал не порвать ему колготки.

– Что там у вас? – заинтересовалась Катя. Янка тоже подошла поближе и испуганно ойкнула, когда покрывало было снято. Остальных увиденное нисколько не смутило. Скорее даже обрадовало.

– О-о, призрак «жуткой дорожки»!

– Это что… Гроб?

– Реквизит. – Денис постучал костяшками пальцев по крышке, которая выглядела пугающе настоящей. – Фанера! В «Искатель» девчонка приезжала – будущий художник по декорациям. Вот и сбацала нам. Издалека вообще не отличишь.

Янка не распознала бы подвох и вблизи. Алая шелковая ткань, по бокам – рюши. Бюджетненько, но броско. Некоторым такое нравится.

Вот же ерунда в голову лезет…

– Дэн, твой выход!

Каверин размашистой мужской походкой направился к сцене. Парик развевался, подол юбки трепетал. Было слышно, как зал грохнул от смеха.

– Садись, накрашу тебя, все равно делать пока нечего, – предложила Кира. Янка устроилась в том же кресле, где до этого перевоплощался Денис. Лицо защекотала огромная кисть.

– Зачем им крышка гроба?

– Для «жуткой дорожки»! Летом Дэн со своими пионерами устраивал. В общем, по вечерам мы собирались у костра. Ну, комары, печеная картошка, песни под гитару… Детям нравилось. Обратно в лагерь, само собой, через лес. Так вот эти черти – иначе не знаю, как назвать – без предупреждения… Закрой левый глаз… Ага, открывай. Размалевались, нарядились в тряпье, набрали полный таз воды и давай из кустов брызгаться. Типа, водяной разбушевался. Только отбились – зомби повыползали. Дэн землей обсыпался и с этой крышкой выскакивал, покойничка изображал. Ой, весело было, так ржали потом! Правый глаз закрой. Ага.

– Интересно. Только сейчас зима, и в лес никто не ходит.

– Я тебя умоляю! Придумают что-нибудь другое. Все, можно смотреть.

Янка повернулась к зеркалу и… тут же отвернулась. Посмотрела снова – с восторженным недоверием. Она выглядела как Инга Лунева. Нет, не так. Она выглядела как сильно улучшенная версия себя. Эти глазищи – Янки Колесниковой? Этот маленький нос, брови вразлет – Янкины? И губы… Удивительно, но они тоже у нее появились.

– Сфоткай меня скорее. – Янка сунула Кире свой мобильный. – Иначе после полуночи я превращусь в тыкву и забуду, что однажды была такой. Лет в сорок стану дурачить этой фотографией виртуальных ухажеров с сайта знакомств.

– Тебе это не понадобится, глупая, – хихикнула Кира, но просьбу выполнила.

В гримерку ввалилась Баба Яга, несколько разбойников и девчонки-русалки. Сразу стало шумно и тесно.

– Ян, сейчас сценка про рабочих, потом ты. – Каверин упал на стул и принялся обмахиваться патлатым париком. – Чтобы я еще хоть раз на себя вот это все напялил… Слушайте, план таков.

По задумке Дениса, «восстание мертвецов» планировалось после дискотеки. Не мудрствуя лукаво – прямо в усадьбе.

– Первый отряд пропускаем, они слишком мелкие. Кать, вы своих пораньше уведите, ладно? Представьте – свет гаснет. Все в непонятках на ощупь ползут по лестнице. И начинается жара…

Дальше Янка не дослушала – убежала на сцену. Надо будет хоть одним глазком взглянуть, что они там напридумывали.

* * *

Запрокинув голову, Катя глазела на звезды. Они, конечно, впечатляли, но не настолько, чтобы так долго и пристально на них пялиться. Янка тихонько встала рядом и тоже уставилась в небо.

– Красиво, правда?

– Правда, – кивнула Янка и покосилась на рыжеволосую вожатую. Веснушчатый нос шмыгал подозрительно часто.

– Зря ты ушла. Кто за отрядом следить будет? – похоронным тоном спросила Катя.

За спиной гремела музыка. Дети отплясывали на дискотеке, и Янкина «слежка» относилась скорее к собственному мобильному.

– Думаю, они в безопасности. Единственный выход – здесь. И мы с тобой тоже здесь.

– Тоже верно, – согласилась та и вдруг призналась: – Я вообще не хотела приезжать в эту смену. Петр Геннадьевич уговорил.

– Не хотела? Почему?

– Неужели не понятно? – Катя досадливо поморщилась. – Мне очень нравится один человек. Больше, чем нравится. Только он меня в упор не замечает. Очень давно, – с тяжелым вздохом добавила она.

– А что ты делала для того, чтобы заметил?

– Ой, нет. Что-то делать – это не про меня. Не понимаю я этого делания. Только дурой себя выставлю. Не нравлюсь, значит, не судьба. Если за два года не срослось – хоть наизнанку вывернись.

– Странная у тебя, Кать, логика, – удивилась Янка. – Без боя сдаешься.

– Тебе легко советовать… Ладно, все. Возвращаемся, а то угодим под раздачу ужастиков.

В полумраке зала Янка взглядом пересчитала «своих». Все на месте. Когда заиграла медленная музыка, половина танцующих отправилась на стулья – отдыхать, а первый отряд засобирался обратно в усадьбу.

– Ян, завяжи! – Шарф снова не совпал по цвету с шапкой. Да и ладно, лишь бы количество сошлось. – Ян, ту-уго!

Звякнуть, что ли, вечером Соловьевой? Низкий поклон передать. Удружила, подруга, ничего не скажешь.

– Можно тебя пригласить?

Янка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Почти ушла – и на? тебе, сразу кому-то понадобилась. Впрочем, кому именно, догадалась даже раньше, чем увидела – по имбирно-перечному парфюмерному духу. Дамир Поливанов! Не грело, не горело, да вдруг осветило. Собралась было кивнуть – отчего не пойти? – но заметила лицо второй вожатой и резко передумала. Катя застыла с детской курткой в руках и глядела на них обоих – Янку и Дамира – с явным намерением проклясть в случае неправильного ответа.

– Нет, прости. – Свои слова она сопроводила гримасой отчаянного сожаления. – Мы уже уходим. Надо проскочить до «жуткой дорожки»…

– Да успеете вы. До нее еще полчаса.

Видно, совсем не ожидал отказа. Растерялся.

– В другой раз, – сморозила Янка и ретировалась за дверь. Дамир Поливанов уговаривал ее потанцевать! Театр абсурда на гастролях.

Катю она догнала возле заснеженной чаши фонтана. Дети притихли – видимо, тоже устали, – а Якушева чеканила шаг, как солдат на плацу. Только снег похрустывал.

– Вот об этом я и говорила, – процедила она, узрев рядом своего стажера. – За два года ни разу ко мне ни подошел, а тебя в первый же вечер на медляк приглашает. Где справедливость?

Вопрос повис в воздухе.

– Кать, ты ведь не сказала, что это Дамир. Все «человек» да «человек». Могла бы предупредить.

– Я что ему – Цербер, чтобы всех от него отгонять? В эту смену он выбрал тебя, в следующую еще кого-нибудь…

– Мало ли, кого он выбрал, – фыркнула Янка. – Я, между прочим, тоже… выбрала.

– Да? – Катя мгновенно сменила гнев на милость. – Если не секрет, кто этот счастливчик?

– Я понимаю, что между нами ничего не может быть, но… – Янка мысленно испросила прощения у отсутствующей Кристины Соловьевой. В конце концов, за той числился изрядный должок. – Короче, Павел.

– Да ладно? Ну ты и попала! – обрадовалась Катя. Теперь они были вроде как не соперницы, а родственные души. Ложь во благо, называется.

К тому моменту, как добрались до спален, пошатнувшийся было мир окончательно восстановился. «Чья-то бабушка» Анна Ивановна ушла к себе, не дождавшись возвращения отряда, и ее можно было понять. Янка и сама с удовольствием завалилась бы в постель с книжкой. Ох, книжка! Она совсем забыла, что обещала воспитательнице взять что-нибудь из библиотеки. Завтра нужно обязательно.

– Иди переодевайся, я за ними послежу. – Катя говорила одними губами. Сегодня чтение в любом случае не понадобилось бы – дети засыпали на ходу, бросая где попало полотенца и зубные щетки. Чтобы потом не разбираться, Катя подбирала вещи по горячим следам.

Благодарная Янка изобразила книксен и просочилась в коридор. Люстры погасли. Из освещения остались только настенные шары-бра с подслеповатым желтым светом. Янка сделала несколько шагов и вздрогнула – внизу завопили. Громко, слаженно. Началось! Но сил на то, чтобы самой оценить задумку, совсем не осталось. Янка потерла глаза и побрела в сторону собственной комнаты.

– Яна! Ш-ш. Только не пугайся. Это я.

Мимо бесшумно прокрался Денис Каверин. За его спиной, как щит у рыцаря, болталась гробовая крышка. На выбеленном лице чернели разводы, подозрительно напоминающие потекший макияж Бабы Яги. Длинная простыня театрально драпировалась при каждом шаге.

Короче, спасибо, что предупредил.

В зале с картинами кто-то шушукался и шелестел фикусом. Хорошо хоть, не стали выскакивать перед ней, как черти из табакерки. Притаились. Зато от стены возле главной лестницы отделился скелет. Хрустнул костями, быстро понял ошибку и пробасил:

– А, это ты, Ян! Не узнал.

И задвинулся обратно в нишу. Янка тоже не узнала, но предпочла не уточнять.

Визги мигрировали по этажам, дополняя друг друга и сливаясь в один орущий ансамбль. Кажется, некоторые особо стойкие пошли по второму кругу.

Янка заперла дверь, с удовольствием влезла в пижаму и растянулась на кровати. Больше всего на свете хотелось спать, но под аккомпанемент криков это оказалось затруднительно. Пришлось дожидаться, пока нечисть не натешится своими жертвами и не отправится туда, откуда пришла – по могилам. В смысле, спальням.

Вот только Катя почему-то задерживалась. Янка выждала еще немного и решила позвонить. Чтобы в случае чего не разыскивать друг дружку по всему лагерю, они обменялись номерами.

– Яна, я еще здесь, – прошептала в трубку Катя. – Я боюсь выходить!

– Выходи. Все закончилось.

– Закончилось, как же! Сто процентов, Дэн опоздавших ловит. Это самое интересное. Когда все решат, что все закончилось, он тут как тут. Ян, приходи за мной, а? Я одна отсюда не выйду.

Пришлось снова переодеваться в спортивный костюм, а затем тащиться через половину дома по пустому коридору. Катя ошиблась – духи и черти ушли отдыхать. Надо же и им когда-то.

Из двери высунулась рыжеволосая голова, огляделась по сторонам.

– Никого? Уверена?

– Никого. Идем.

Только сейчас Янка заметила здесь библиотеку, а по соседству – медпункт. Зал с раскидистыми фикусами вмещал два кожаных дивана и камин. Скорее всего, ненастоящий, так, декорация на память о прошлых владельцах. Каминную полку украшали кубки, смежную стену – дипломы и грамоты.

– Вот! Я же говорила! – торжественно провозгласила Катя, тыча пальцем в сторону темного окна. – Что я, Дэна не знаю? Ну и вырядился… Жуть полная.

Янка с прищуром уставилась туда же.

– Это не Денис, – произнесла она неуверенно. – Денис совсем по-другому выглядел.

А то, что пряталось в углу, напоминало человека весьма отдаленно. Патлатое, сгорбленное. И еще – показалось или правда? – по-стариковски пожевывает губами… в тот же момент по ногам протянуло холодом. Словно сквозняк, которому неоткуда было взяться. «Как из открытой могилы», – подумала Янка, забывая дышать.

Кажется, Катя тоже почувствовала. Поежилась, переступила с ноги на ногу и вдруг мешком осела на пол.

Янка коротко взвизгнула. Бросилась к двери с надписью «медпункт» – темно, заперто. Рванула в сторону вожатских комнат и уже на бегу заметила, что угол за камином пуст. Ни привидений, ни потустороннего ветра, ни прочей замогильщины… Померещилось?

Навстречу выскочил Денис Каверин. Волосы влажные, по серой футболке расплываются мокрые пятна.

– Кто? – рявкнул он, прежде чем Янка успела заикнуться о Кате. Оттеснил ее в сторону и сам все увидел. Несчастная жертва призрака картинно распласталась на зеленой ковровой дорожке. В ярком лунном свете Катя казалась еще более рыжей, бледной и… прекрасной.

Денис заколотил в соседнюю с медпунктом дверь.

– Ольга Пална! У нас тут Якушева…

На стук вышла полная женщина с растрепанными, собранными в неаккуратный пучок волосами и в наспех накинутом белом халате. Одним взглядом оценила обстановку и вернулась с чемоданчиком в руках.

– Каверин! Опять ты со своими страшилками? Каждую смену одно и то же! Вечером – молодежь, а утром не найдешь, – загремела Пална и склонилась над бесчувственной Катей.

– Из моих кто-то? – шепотом спросил Денис, пока медсестра манипулировала склянками. – Прямо сейчас огребут. Только отцу ничего не говори, ладно? Он и так этими пугалками недоволен, еле уговорил.

Янка помотала головой.

– Мы ничего не расскажем, вот только… я не знаю, кто это был. На детей не похож. А похож на… Привидение.

– Ян, ты чего?..

Медсестра ловко сунула Кате под нос вату, смоченную в нашатырном спирте, затем отвесила пару пощечин. Процедуры возымели действие – вожатая распахнула глаза и отпрянула от источника вони, испуганно озираясь по сторонам.

– А где… это? – чуть слышно пролепетала Катя. Попутно она пыталась подняться на ноги, но те отказывались ее держать.

– Надо думать, закончилось! – грозно нахмурилась Пална и погрозила скромно мнущемуся в сторонке Денису увесистым кулаком.

– Мы же… Да мы, вообще-то, не… – начала было протестовать Янка, однако медсестра не дослушала. Испепелила взглядом растерянных ребят и удалилась в свою опочивальню.

А троица вожатых, вяло переговариваясь, направилась в противоположную сторону.

– Ян, ты ведь тоже это видела? Страшилище за камином? От него таким холодищем перло! Как из могилы!

– Видела, – сдержанно подтвердила Янка. Не успели они войти к себе и включить свет, как в дверь протиснулась Кира.

– Девчонки, можно к вам? Кать, ты как?

Вот так всегда: в одном конце чихнул, из другого – будь здоров! Вслед за старшей вожатой в комнате оказались Андрей Заварзин, блондинка Инга в розовом костюме и еще две девушки, которых Янка видела впервые.

– Эх, жаль, меня там не было! Я же во все это верю. Всегда мечтала своими глазами увидеть что-нибудь эдакое, – досадовала Кира. Купаясь во всеобщем внимании, Катя постепенно приходила в себя. Под испуганные возгласы слушателей она снова и снова пересказывала историю встречи с призраком, причем с каждым разом припоминала все больше подробностей. В конце концов Янка и сама запуталась в том, что же они видели на самом деле.

– Ой, я бы, наверное, умерла от страха. – Инга содрогнулась и в очередной раз придвинулась поближе к Денису. – Как вы думаете, оно появится снова?

– Непременно, – мрачно пообещала Кира. – Прямо в твоей комнате.

– Блин, я понял! Это покойная Паучиха пришла за своим зеркалом! У тебя в комнате есть зеркало, Лунева? – Андрей Заварзин с самого начала отнесся к Катиному рассказу скептично, а теперь развеселился окончательно. Зато Инга сходила с лица прямо на глазах.

– Д-да. Зеркало есть. Не такое, как у девчонок, а большущее. Ой, мамочки! Это что же получается…

– Молись, Лунева. Я бы на твоем месте этой ночью спать вообще не ложился.

В наступившей тишине стало слышно, как Катя натягивает на себя одеяло.

– Шутки шутками, – подал голос Денис, – а кое-что здесь и правда случилось… Если хотите остаток смены ходить парами и постоянно оглядываться, расскажу.

– Валяй. Хуже все равно не будет.

– Информация проверенная, от отца слышал. Короче, вы знаете, что открытие лагеря задержали. Это потому, что незадолго до окончания ремонта в усадьбе случился пожар. – Каверин выдержал паузу. Остальные слушали, затаив дыхание. – В том самом каминном зале, где девчонки якобы видели привидение.

Инга вскрикнула и почти оказалась у него на коленях. Катя сравнялась цветом лица с пододеяльником, за которым пряталась.

– Об этом даже в местных новостях говорили. Погиб рабочий. То ли газовый баллон рванул, то ли что-то попало под тепловую пушку – не суть. Полыхнуло моментально. Выгорела эта комната и соседняя, где сейчас библиотека. Ну и мужика этого потом нашли… Вроде бы даже никто не знал, что он там работал. Дело было в воскресенье. Выходной. Мутная история.

– Ну, спасибо тебе, Дэн. Надо же было такую фигню на ночь рассказать. – Андрей Заварзин поднялся со стула и направился к выходу. Возле самой двери притормозил и обернулся. – Вот и провожай меня теперь. Сам виноват.

– Меня тоже! – подскочила Инга. Незнакомые девчонки притихли. Но им-то хорошо, их двое. Янка мысленно порадовалась тому, что ей никуда не нужно

идти. Особенно мимо камина. Вот и как дальше работать? Как и сказал Денис, ходить парами и оглядываться?

– Сладких снов. – Каверин отвесил им с Катей издевательский поклон и скрылся. Очень вовремя – Катя метнула в него подушку.

– Гад, – прокомментировала она, чуть не плача. – Знает же, что я всего потустороннего боюсь… Нарочно пугает.

Янка босиком прошлепала к двери, выключила свет и вернулась в кровать. Совершенно бессонным взглядом уставилась в потолок.

– А ты не поддавайся. Подумай о чем-нибудь другом. Я вот думаю о том, что завтра утром загляну в библиотеку. И еще я забыла дома шампунь. А вместе с ним – целую кучу ерунды вроде мыла и крема. Хорошо бы здесь был магазин. Ты, случайно, не знаешь?

Но испуганная не ответила. Не храпела – и на том спасибо. Янка тоже отвернулась носом к стенке и последовала собственному совету. Выкинуть из головы всякие глупости. Вы-ки-нуть. Вот так.

Глава 3

Все помогают в библиотеке

На первый взгляд, комната была безлюдна. Стол, пустые полки, несколько школьных парт и гулкая тишина нежилого помещения. На то, что имеет смысл подождать, намекал включенный ноутбук. Возле него и топталась сейчас Янка, нарочно сопя и покашливая.

Наконец из-за шкафов показалась кудрявая голова хозяйки библиотеки.

– Ой, – сказала она и близоруко прищурилась. Поправила сползшие на кончик носа очки и улыбнулась: – Привет. Не слышала, как ты вошла. Дел невпроворот. Смена началась, а у нас книги не расставлены. Обещали помощницу – не

приехала. Вот, сама кручусь. За книжкой?

– Да. Только не решила, что выбрать. Первый отряд.

– Кажется, знаю! – обрадовалась библиотекарь. Порывшись в коробках, извлекла одну и протянула Янке. – Это из нового. Очень хорошие отзывы.

С обложки на Янку глядел скелет. Натуральный такой. Веселый. Судя по названию, он же был главным героем этой истории.

Янка нервно хихикнула, представив реакцию Кати, когда она заявится в отряд с чем-то подобным. Еще решит, что специально выискивала, чтобы поддеть за вчерашний обморок.

– А есть что-нибудь из классики?

– Это искать надо… – Библиотекарь выглядела разочарованной. – Может, сама посмотришь? В той стопке на подоконнике. Там точно есть Крапивин. И, кажется, Волков.

Янка пробежала взглядом по затертым корешкам. В отличие от тех, что ждали своей очереди в коробках, эти книги были неновыми. Зато названия знакомые. «Алиса в Стране чудес»! То, что надо. Янка заранее преисполнилась чувством выполненного долга перед добрейшей Анной Ивановной и брякнула книгу на стол возле компьютера с таким видом, словно сама ее написала.

– Угу, отлично. Скажи свое имя, пожалуйста. Запишу ее на тебя.

– Колесникова Янина Станиславовна. Первый отряд, – повторила она на всякий случай.

– Прямо так – Янина? Красиво, – похвалила библиотекарь. Пощелкала кнопками и вернула книгу Янке. – Читайте на здоровье. Ох, что ж мне делать с этими коробками…

– А хотите, я помогу? – неожиданно для себя предложила Янка. Будто кто за язык дернул! – Репетиций сегодня нет. Только книжку отнесу и сразу вернусь.

Если вы не против.

Кудрявая библиотекарь просияла:

– Было бы замечательно! Как раз ребята из старшего отряда обещали прийти! А вместе за день справимся, верно?

Янка еще больше пожалела о своем внезапном порыве. Знать бы заранее, что помощники уже объявились!

Но идти на попятную было поздно.

Впрочем, расставлять книги казалось ей занятием гораздо более гуманным, чем вырезание сердечек-валентинок, в огромном количестве нарисованных детьми перед отбоем. И вот теперь Катя ожесточенно стригла ножницами алую бархатную бумагу, только обрезки разлетались.

– Ку-уда? А шарики кто будет надувать? – Рядом и правда валялось штук десять красных сморщенных «сердец». Уж лучше книги!

– Я вечером. Честно. Обещала в библиотеке помочь.

– Кому? – прищурилась Катя. – Каверину? Сегодня библиотека прям повышенным вниманием пользуется. Кого ни спроси – все помогают в библиотеке. Халтурщики, – фыркнула она. Очередной символ импортного праздника влюбленных лег в аккуратную стопку себе подобных.

Упоминание о Денисе внезапно порадовало. Такая компания примирила бы Янку с гораздо более неприятной, чем глотание библиотечной пыли, работой.

Библиотекарь – она попросила называть ее просто Алена, без отчества, – обрадовалась Янке как родной. Сунула в руки тряпку и попросила протереть с полок пыль. Громогласный хохот возвестил о том, что пионеры Дениса тоже здесь и неплохо проводят время.

– Денис Петрович, можно я возьму другую швабру? Эта неудобная, – громко поинтересовался нахальный девичий голосок. Ответа Янка не расслышала, но,

судя по взрыву смеха, вожатый за словом в карман не полез.

– Помощнички, – усмехнулась Алена. – Если успеешь, разберись с теми старыми книгами. Во-он тот дальний шкаф как раз подойдет.

Янка послушно заелозила тряпкой по полированному дереву. В коридоре Инга Лунева со старшими девчонками украшали стены гирляндами сердец. Даже стенгазету нарисовать успели. От такого количества любви у Янки начинало ломить в висках.

– Привет, Ян! И ты здесь?

А вот и Денис. Улыбается. Можно подумать, очень рад. Впрочем, он всегда такой. Как там говорят? На позитиве.

– Да вот, решила переждать красно-розовое сердечное безумие.

– Аналогично. Каждый год все с ума сходят с этим Валентином. Шоколадки, валентинки, ящики-фигащики… Готовься получать свою порцию вселенской любви!

– Ну уж нет. – Янка представила себе подобную перспективу и содрогнулась. – Будь добр, притащи мне сюда хлеб и столовский кефир и оставь под дверью. Пароль: «Каждой дуре по Амуре». Отсижусь пару дней, пока все не уляжется.

В пятки что-то уткнулось. И еще раз. И еще.

– Отойдите, пжалста!

Янка обернулась и увидела плечи. Задрала голову. Это что, дети? Снизу так вообще кажется, что одни ноги. А так – копна блондинистых волос, взгляд снисходительный. Хотя с таким ростом эта девочка могла себе его позволить.

Пока соображала, совсем упустила из виду Каверина. А не следовало бы. Тот быстро сгреб мелкую Янку в охапку и приподнял над полом.

– Подметай, Метлицкая, подметай. Не позорь фамилию.

– Не надорвитесь, Денис Петрович, – съехидничала исполинская Метлицкая. Пошуровала шваброй под Янкиными ногами и ретировалась за шкаф.

– Кто бы говорил, – буркнул Денис. Вернул Янку на место и тоже откланялся.

Глупости, конечно, но она все равно смутилась. Позабыв про пыль, принялась как попало запихивать ветхие книжки в самый дальний шкаф. Ему-то что, пошутил и забыл. А Янка вдруг начала прислушиваться к болтовне за стеллажами, стараясь различить голос Каверина. Да и вообще безотчетно чувствовала его присутствие неподалеку. Он был. И это радовало.

Перекидав на полку одну книжную стопку, Янка переместилась к следующей. Между книжными корешками она заметила серый пластиковый край, потянула за него и оказалась обладательницей папки-скоросшивателя. Точно в такие же они всей группой упаковывали рефераты.

Ура! Хоть какое-то разнообразие.

Сверху была пришпилена серая газетная страница. «Техасская резня в Дорофеевском лесопарке»? Еще и с фотографиями. Вот же гадость. За скрупулезным перечислением травм и повреждений следовал набранный более мелким шрифтом текст: «Пожар в Графских развалинах».

– Ого, – вслух произнесла Янка. Пробежала глазами несколько строчек и повторила: – Ого. Денис! Можно тебя на минутку?

– Хоть на пять, – мгновенно отозвался тот из соседнего угла. – Что у тебя?

– Помнишь наш вчерашний разговор? Слушай.

Пожар в Графских развалинах.

В минувшее воскресенье в отреставрированной усадьбе Светлый Яр произошел пожар. Прибывшие на место происшествия расчеты вовремя устранили очаг

возгорания. В результате от огня незначительно пострадали внутренние помещения, один человек погиб. Обстоятельства происшествия и личность погибшего устанавливаются. По предварительным данным, им может быть пропавший месяц назад в Дорофееве школьный педагог В. В. Залесский. Следствие просит возможных свидетелей обращаться по телефону…

– Да, я как раз об этом и говорил. Только не знал, что он еще и учитель… Гляди, здесь фотография.

Залысины надо лбом, плотно сжатые губы. Глаза прозрачные. Рыбий какой-то взгляд. Можно предположить, что особой любовью у учеников педагог Залесский не пользовался.

– Похож! Мамочки, до чего на нашего призрака похож. Только у того волосы были такие. – Янка чиркнула ребром ладони по шее чуть выше плеч. – И спина сгорбленная… а руки как будто до колен – длиннющие. Неужели вправду он? Вернее, его неупокоенный дух.

Денис перевернул страницу и теперь разглядывал исчирканный шариковой ручкой тетрадный лист.

– План усадьбы? – произнес он с любопытством. Развернул папку вверх ногами, затем обратно. – Ничего не понимаю. Писанина еще какая-то…

– Дай посмотрю.

На ветхой, с махровыми краями бумаге значилось:

Расписка.

Я, Залесский Яков Михайлович, получил от студента Монахова Николая кольцо с рубином в уплату карточного долга.

22/X/1910 (Залесский)

– Фамилия та же. Дату видишь? Это, наверное, его предок, – благоговейно прошептала Янка.

За распиской виднелся еще один, не менее затертый листок, сверху донизу исписанный мелким неразборчивым почерком. От многократного складывания бумага совсем истерлась – строчки в местах сгибов отсутствовали. На их месте светлели дыры. Письмо буквально рассыпалось под пальцами.

– Нечитаемо, – постановил Денис и протянул папку Янке. – Пойду, ладно? А то, чувствую, наворотят они без меня.

Янка покивала в ответ, а сама впилась взглядом в пожелтевшую страницу. Разобрать написанное и правда оказалось непросто – соблюдением каллиграфии автор не отличался. Чернильные строчки то и дело сливались, наползали друг на друга, к тому же пестрили «ятями» и «ерами», о которых Янка знала только понаслышке. «Милая Асенька, – шепотом прочитала она, отчаянно щурясь. – Я все потерял. При мне осталась лишь моя душа, и то до тех пор, пока не сажусь за суконный стол. В такие мгновения кажется, что и она меня покидает…»

Милая Асенька,

Я все потерял. При мне осталась лишь моя душа, и то до тех пор, пока не сажусь за суконный стол. В такие мгновения кажется, что и она меня покидает. Сегодня отнес Якову Залесскому маменькино кольцо. Нижайше прошу Вас не сообщать ей раньше времени эту печальную новость. Я все еще надеюсь искупить вину и вернуть себе фамильную ценность. Но об этом позже. Как ее здоровье? Как Ваши занятия с Эллой Германовной? Все ли… (далее неразборчиво).

Сам я вынужден был съехать из нумеров и живу теперь у товарища. Он хороший, честный, доброй души человек и отказывается брать с меня деньги за постой, зная, в каком горестном положении я оказался по собственной глупости. Пишу как никогда много. Денег на краски не хватает, зато в печи всегда довольно угля. Часто вспоминаю Вас, дорогая Асенька. Наше любимое место – бываете ли Вы там без меня? (Неразборчиво) …тайник в бальном зале, где сокровища… (неразборчиво)… душа моя.

Я обещал рассказать Вам еще про перстень. Возможно, маменька делилась с Вами его загадочной историей. На всякий случай повторюсь. Почитай столетие назад была в нашем роду некая Ефросинья, крепостная графа Дорфа. Колдуньей слыла. Пришла она раз к самому графу и говорит – так, мол, и так, привиделась ей во сне скверна и погань, что по усадьбе хозяином ходит, графские сокровища в телеги грузит и золотом сумки набивает. И срока тому ровно семь дней. Граф так истолковал слова Ефросиньи, что придут в Светлый Яр французишки Наполеона, чтобы разграбить и осквернить все, что там было. Он и сам понимал, что встреча с врагом – вопрос времени, да только не думал, что случится это так скоро. А богатство было так велико, что за семь дней никак не перепрятать. Решил тогда граф – коли сон окажется в руку, то запалит он усадьбу со всем добром, чтобы не достались врагу ни картины, ни скульптуры, ни другое нажитое. А Ефросинье даровал хитрый перстень с камнем, похожим на крест.

Все вышло как сказала колдунья. После Бородинской битвы наши войска отступали от столицы, а жители в спешке бежали, увозя только самое ценное. Наутро ожидались в Светлом Яре авангардные разъезды неприятельской конницы. А с вечера граф Дорф раздал дворовым факелы и первым с молитвой запалил дом.

Хозяин покидал пепелище налегке. Но были и те, кто не поверил в искренность его порыва. Ведь после пожара среди дымящихся развалин не оказалось ни одной мраморной скульптуры… Куда же (неразборчиво)? Этот вопрос, милая Асенька, не дает мне покоя вот уже несколько дней. С тех самых пор, как собственными руками отдал я перстень с камнем в виде креста проклятому Залесскому и увидел, как почернело от жадности его лицо. Похоже, слишком щедро заплатил долги Ваш покорный слуга Николенька. Впрочем, разве теперь узнаешь?

Асенька, не дает мне покоя загадка наших развалин. Все думаю – а вдруг оно там, под ногами? Сокровище графа Дорфа. В подземных ходах, которые (неразборчиво). Давно ведь поговаривали, что даже из деревни есть (неразборчиво)…

На этом месте текст обрывался. Янка уважительно покосилась на паркет, будто прямо под ним и таились несметные богатства. Пальцы аккуратно отложили в сторону хрупкий лист. Непрочитанным остался всего один. Короткая заметка, напечатанная на принтере. Слава Богу, не пришлось больше ломать голову над

устаревшими буквами. В заметке говорилось, что перед тем как открыть здесь дом отдыха – еще тогда, в семидесятые, – реставраторы провели изыскания в основании дома. Янка читала очень быстро и даже шептала вслух:

– «Мы наткнулись на остатки подземного тоннеля, – вспоминает архитектор Ирина Быстрова. – Пробовали пройти дальше, но остановились через несколько метров. Углубляться оказалось слишком опасно из-за вероятности обрушения сводов. Чтобы избежать несчастных случаев, мы засыпали расчищенный нами вход в подземелье. Подземные ходы в Светлом Яре действительно существуют, но для их исследования нужны значительные финансовые средства. Надеюсь, рано или поздно научный поиск все же будет организован и принесет сенсационные открытия…» Вот же блин!

– И я о том же. Колесникова, у тебя совесть есть?

Янка машинально спрятала папку за спину. Но возглас принадлежал не Алене, которой полагалось гневаться из-за невыполненной работы, а второй вожатой Кате. Этой гневаться тоже не возбранялось. Невырезанные сердца и ненадутые шары должны были изрядно отягощать Янкину совесть. Однако этого почему-то не происходило.

– Про шары я помню, – на всякий случай покаялась Янка. – Ты Каверина случайно не видела?

– В столовой твой Каверин, с отрядом! Давно уже. И тебе тоже было бы неплохо там появиться. Для порядка. А то один Каверин на уме.

– Кать, я же вовсе не…

– Оно и видно!

Снова какая-то сердитая. Не иначе, всеобщее лихорадочное оживление действует. У почтового ящика – небольшое столпотворение, валентинки так и сыплются. Девочки направо, мальчики – налево. Шепчутся, глядят загадочно. И все волнуются. Недовольна одна только Якушева.

После полдника обещали кукольное представление, а значит, подпирай себе стену и цыкай на шептунов часа полтора, не меньше. Янка рассчитывала найти Дениса и обсудить с ним содержимое серой папки, но увы – Каверин столь же тщательно бдил вертикальность стены по другую сторону от сцены. Зато рядом была бессменная Катя. И ей тоже не терпелось поговорить. На сей раз Якушева заходила издалека.

– Ян, я понимаю, что это не мое дело… Сама не люблю, когда кто-то ко мне с такими вопросами лезет. Не хочешь, можешь не отвечать. – Пауза. Тщетное ожидание уверений в обратном. – Но что это ты все время про Дэна спрашиваешь? Понравился?

– М-м.

– Я тебя понимаю. Дэн классный. Он многим нравится. Особенно пионеркам – каждую смену драмы. Но в лагере он никогда ни с кем не встречается. Принципиально. Вроде бы у него и девушка в Москве есть. Ян, а Ян…

– М-м?

– А ты Пашке валентинку подаришь?

– Нет.

– А Каверину?

– Нет!

Не объяснять же, что в отношении к грядущему празднику они с Денисом вполне сошлись во взглядах, и оба мечтают отсидеться в недосягаемости этого самого праздника.

– Ясно. Боишься, – логично заключила Катя. – Я тоже боялась. А теперь решила – хватит. Нужно попытаться. Ты меня поддерживаешь?

– Ну так, Кать! Давно пора.

К полному Янкиному удовольствию, помолчали. Но стоило ей как следует углубиться в мысли о графских сокровищах, Катя снова зашептала:

– Ой, чуть не забыла. Сегодня у нашей Киры день рождения. Вечером собираемся в клубе. Она просила тебя пригласить. Пойдешь? Дэн после спектакля едет в магазин за…

– Магазин? – встрепенулась Янка. – Ка-ать! Мне б тоже съездить.

– Вот ведь упертая! – восхитилась Катя. – С таким настроем точно своего добьешься! Я имею в виду, Каверина. Ладно, отпускаю. Лети навстречу мечте. Хотя бы шоколадка мне за помощь полагается?

– Две, – легко согласилась Янка. А ведь со стороны все это наверняка выглядело именно так. Как будто она попросту запала на Дениса, вот и ухлестывает за ним напропалую. «Запала». Никогда не нравилось это слово. Точно не про нее. Ей, Янке, просто лучше, когда Денис есть рядом, чем когда его нет. Но специально искать его общества она не собиралась.

С самим Денисом удалось договориться после спектакля.

– В магазин? Обязательно поеду, – на бегу подтвердил Каверин. Вечно он куда-то не успевал и опаздывал. Не поговорить. – Со мной? Можно. Через час у клуба. Устраивает?

– Еще как!

Даже ужином жертвовать не придется. Редкостное везение.

* * *

Все дружно стягивались на дискотеку, и только охранник дядя Толя со всех ног несся в противоположную сторону. Торопливо осенял себя крестными знамениями и выглядел, мягко говоря, напуганным.

– Завяжу! На этот раз точно завяжу! Ни капли! Вот те крест!

– Чего это он? – озадачилась Катя, когда тот протопал мимо, не поздоровавшись. – А с виду вроде приличный.

Видимо, подумал об этом и Петр Геннадьевич Каверин. В момент триумфального бега дяди Толи через весь двор он как раз чинно выходил из дверей главного корпуса. Ни дать ни взять, барин.

– Анатолий! – строго окрикнул директор, и охранник вытянулся по стойке «смирно». Даже шапку стянул, чем еще больше усилил собственное сходство с крепостным крестьянином. – Что за шум?

– Завяжу, – громогласно повторил дядя Толя. – Весь день нервы мотает, проклятая! Довела, сил никаких нет.

– Да кто ж тебя довел? Сидишь в своей сторожке, как сыч. Носа на улицу не высовываешь.

– Нечисть, Геннадьич. Не знаю, за какие грехи тебя сюда начальником поставили, но дурное тут место, как пить дать! Тьфу, даже от слова энтого с души воротит.

– Анатолий, ты по-человечески объяснить можешь?

– С утра балует, проклятая. Ночью вроде не было ничего, а тут гляжу в окно, у забора – она! Крышка от гроба! Ленты ветерком колышет, и тишина… Дескать, ждет меня, Геннадьич, поджидает. Бабка-то покойная. Ну, думаю, врешь, не возьмешь. Шторку задвинул, вроде как не видел ничего, да и дело с концом. А потом она пропала.

– Ты, Анатолий, и правда, завязывай с этим делом-то, – нахмурился Петр Геннадьевич. – Я на все сквозь пальцы смотрю, потому что жаль тебя, непутевого. Где еще такую работу найдешь? Где, я тебя спрашиваю?

– Ты обожди, дослушай. – Охранник выдержал эффектную паузу и вытаращил глаза в сторону своей будки у ворот. – Она и сейчас там!

Вышло и вправду жутко. Чернющая ночь, луна, лес вокруг. И вот это его замогильное «там». Янка почувствовала холодок в районе желудка. Зато Катя вовсю давилась от смеха.

– К-крышка! – выдохнула она, утирая слезы. – Неужели Дамик опять ее до машины не дотащил?

И словно в подтверждение ее гипотезы мимо пронеслись оба приятеля – Денис и Дамир – как раз в направлении сторожки. От директора лагеря маневры не укрылись.

– Поливанов, Каверин! Чтоб через пять минут в моем кабинете! Распустились совсем… Шутники. Сумасшедший дом, а не смена.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В повести Л. Рыбакова «Бронзовая птица» действие происходит в пионерском лагере, расположенном в бывшей графской усадьбе. – Здесь и далее примечания автора.

2

Андрей Белянин, «Ааргх».

3

Слова из романа Вениамина Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

4

Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха – русская помещица, вошедшая в историю как убийца нескольких десятков крепостных крестьян.

Купить: https://tellnovel.com/sheyl_ruta/klyuch-ot-poslezavtra

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити